

29. Харкевич А. А. О ценности информации / А. А. Харкевич // Проблемы кибернетики. – Выпуск 4. – М. : Физматгиз, 1960. – С. 53-57.
30. Ценность : Новая философская энциклопедия в 4 томах // научно-ред. Совет : предс. В. С. Степин, зам. предс. А. А. Гусейнов, Ю. Г. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. – Т.4. – М. : Мысль, 2010. – С. 320-323.
31. Чапля Т. В. Аксиология информационного взаимодействия: теоретико-методологический анализ / Т. В. Чапля. – Новосибирск : Наука, 2006. – 243 с.
32. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей / Макс Шелер // Избранные произведения / пер. с нем. Денежкина А.В., Малинкина А. Н., Филлипова А.Ф. – М. : Издательство Гнозис, 1994. – С. 259-338.
33. Шефтсбери. Моралисты / Шефтсбери // Эстетические опыты / сост., перевод, коммент. А. В. Михайлова. – М. : Искусство, 1974. – С. 77-236. – (История эстетики в памятниках и документах).
34. Юм Д. Сочинения в двух томах. О норме вкуса / Д. Юм ; пер. с англ. С.И. Церетели, и др. – М. : «Мысль», 1965. – Т. 2. – С. 721-744. – (Серия «Философское наследие»).

Полулях Ю. Ю. Семнология информации: аксиологический аспект

Специфика ценностных измерений информации нуждается во всестороннем рассмотрении. Анализ аксиологических и прагматических концепций позволяет выявить характеристики, которые рассматриваются в современной науке как основные принципы формирования ценности информации: целесообразность, аффективная значимость, социокультурная определенность.

Ключевые слова: информация, ценность, оценка, ценностная информация, цель.

Polulyakh J. Semiology of information: axiological aspect

The specific of valued dimensions of information need to be in a careful consideration. Historical and theoretical development of a problem of value forms idea of value as teleological (purposing) structure of human being. In culture, this structure appears as norms, ideals, the goods. This structure becomes value by means of emotional (affective) presentation in experience. Thanks to this presentation, the things given in experience are allocated with the importance and become valuable. In sociocultural dynamics of value exist as certain regions of significant life and form certain valuable hierarchies. Value of information in pragmatical interpretation is considered as existence at information of the properties doing it valuable. Valuable information is given by qualities, which possess the pragmatical importance in the course of an exchange of this information: efficiency, profitability, utility, importance etc. Such value of information is defined from the purposes of exchange of information. Value of information in axiological interpretation is considered as existence of special valuable information. In this concept, value is considered as a certain type of information. Information essence of value defines it as a model, which provides a variety of a choice in various situations of activity. The purpose structure is the general phenomenon for a pragmatical assessment of information and axiological value of information. Through selection, stereotypization and a universalization of pragmatical properties of information valuable models are created. These models are various for various forms of activity and various cultures. Based on valuable models further there is an assessment of information proceeding not only from its pragmatical properties, but also from compliance to values. Thus, the analysis of axiological and pragmatical conceptions allows revealing characteristics, which are considered in a modern science as basic principle of forming valued information. This principle are: expedient, affection significance, sociocultural specific.

Keywords: information, value, evaluation, valued information, purpose.

Надійшла до редколегії: 13.12.2013 р.

УДК 32 : 81'42

О. В. Поспелова

*Северный (Арктический) Федеральный Университет имени М. В. Ломоносова,
г. Архангельск*

ДИСКУРС-АНАЛИЗ И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛИТИКИ

Данная статья посвящена месту и роли категории дискурса, а также метода дискурс-анализа в современных социальных и политических исследованиях. Особое внимание уделяется методологическим основаниям и интеллектуальным истоками современных теорий дискурса. В статье рассматриваются различные варианты анализа дискурса, в том числе пример экспликации политического дискурса в онтологии Мартина Хайдеггера, предпринятый социологом Пьером Бурдьё. Однако наибольшее внимание уделяется постструктуралистскому анализу, в том виде, в каком он представлен у основателей Эссекской школы дискурс-анализа Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, которые считают, что именно дискурс конституирует весь социальный мир, в том числе и политику.

Термин «дискурс» вошел в оборот социальных и политических наук не так давно, но успел стать довольно популярным. Часто под «дискурсом» понимают общую идею о том, что язык всегда структурирован некими паттернами, которые и обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни. По мнению М. Йоргенсен и Л. Филлипс, это общее определение на уровне здравого смысла не очень помогает нам прояснить, что такое дискурс или ответить на вопросы о том, как он функционирует и как нам следует его анализировать [4, с. 17].

Дискурс – это способ организации или конструирования знания о каком-нибудь предмете или явлении, т.е. набор идей, образов и практик, которые задают сами формы знания, способы их обсуждения и связанного с ними поведения. В отличие от семиотического, дискурсивный подход интересуется не только тем, как осуществляется репрезентация, но и тем, каковы ее последствия, т.е. политикой репрезентации. Он предполагает анализ того, как организация знания связана с властными отношениями в обществе, как она регулирует поведение, конструирует идентичности, а также – как задаются способы репрезентации и изучения тех или иных феноменов и связанные с ними практики. Но самое главное – этот подход позволяет вскрывать глубинные механизмы и причины насилия и дискриминационных практик.

Важными методологическими ресурсами дискурсивного подхода стали такие направления в социологии, как этнометодология Г. Гарфинкеля, подход Дороти Смит и теория драматургического интеракционизма И. Гоффмана. Данные направления, развивая идеи феноменологической социологии А. Шюца, сосредотачивают свое внимание на изучении повседневного общения, значениях и интерпретациях, лежащих в его основе. Всякое социальное действие ориентировано на общий смысл, подразумеваемый участниками взаимодействия. Социальная коммуникация становится возможной, поскольку существуют повседневные представления о социальной реальности, о наличии социальных ролей и их возможной презентации в социуме.

Теодор ван Дейк выделяет два основных аспекта в когнитивном анализе процесса обработки дискурса – структуры представления знаний и способы его концептуальной организации [3]. В качестве основного типа репрезентации знаний Т. ван Дейк выделяет «модель ситуации». В основе ситуационных моделей лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, а личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествующий индивидуальный опыт, установки, намерения, чувства, эмоции. В этом смысле люди действуют не столько в реальном мире, говорят не столько о нем, сколько о субъективных моделях. В зависимости от различных стратегий интерпретации, различных знаний, убеждений, мнений, установок, интересов и целей каждый пользователь языка приписывает дискурсу свою макроструктуру. Однако существуют более абстрактные и общие модели понимания языка, поскольку, какова бы ни была когнитивная среда пользователя языка, он не может приписывать дискурсу совершенно произвольные структуры.

Особое место в теории дискурса занимают труды Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса. Эти мыслители, по словам Б. Фливерга, являются «теоретиками гражданского общества» и «выявляют сущностную напряженность современности – напряженность между консенсусом и конфликтом» [5, с. 127]. Ключевыми в процессе изменения общества они считают регулирование реальных отношений господства. Однако если Ю. Хабермас идет к регулированию посредством универсалистской теории дискурса, то М. Фуко ищет генеалогическое понимание действительных отношений власти в специфических контекстах. Процедура политического действия, таким образом, видится как макрополитика у Ю. Хабермаса и микрополитика у М. Фуко.

Понятие дискурса у М.Фуко предполагает практики языкового употребления и рассматривается как власть произнесения, когда говорящий снабжен властью утверждать нечто и контролировать позицию слушающего. Традиционная трактовка

языка, рассматривающая язык как совокупность феноменов, скрепленных связями символического характера, затушевывает скрытые за языком стратегии власти и связанное с ними насилие. Насилие - это политический механизм принуждения, который не сводится к деятельности политических институтов, а встроено в наитончайшие механизмы социального обмена. В любом обществе, как полагает М.Фуко, производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции и перераспределяется с помощью числа процедур, функции которых - нейтрализовать его полномочия, обуздать непредсказуемость его события [6]. Все эти запреты лишь подтверждают связь дискурса с желанием и властью. Как показывает психоанализ, сам дискурс, в свою очередь, является объектом желания, и, как показывает история, это не то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, власти, которой стремятся завладеть.

Политический дискурс может присутствовать даже там, где мы менее всего ожидаем его увидеть, - в так называемых «чистых теориях», «искусстве для искусства», метафизических построениях философов. В данном случае имеет смысл говорить об инвестировании политического интереса в неполитические концепции и практики. Опыт анализа подобного инвестирования известен отечественным читателям по работе французского социолога Пьера Бурдьё «Политическая онтология Мартина Хайдеггера» [2]. Задача Бурдьё состояла в том, чтобы показать, каким образом и насколько «чистая философия» Хайдеггера была связана с местом и временем, то есть с историческим и политическим контекстом. Этот способ артикуляции политической онтологии напоминает своего рода детективное расследование, когда аналитик выявляет в «чистых» и как бы политически нейтральных теориях вполне конкретную политическую подоплеку. Подобный прием часто используется теми теоретиками, кто работает в русле «критической теории», например, феминистскими исследователями.

Бурдьё довольно долгое время позиционировал себя как непричастный к критической социологии и противопоставляет себя тому направлению в социальных и политических науках, которое оформилось под известным влиянием Франкфуртской школы. Один из столпов этой школы, Теодор Визенгрунд-Адорно, уже предпринимал «политически ангажированное» прочтение Хайдеггера, но его ошибка, по мнению Бурдьё, состояла в том, что он напрямую соотносил отличительные черты философии Хайдеггера с характеристиками той классовой группы, к которой тот, принадлежал [2, с. 17]. Подобная прямолинейность вынуждает Адорно представлять идеологию Хайдеггера как выражение настроений группы интеллектуалов, не вписавшихся в индустриальное общество и лишенных независимости и экономической власти. По мнению Бурдьё, такой подход не в состоянии уловить конституирующее опосредование, тот хитрый «алхимический принцип», который защищает философский дискурс от прямой редукции к классовой позиции. Бурдьё называет философию Хайдеггера «двуличной мыслью», при этом используя французские слова *ambiguïté* и *louche*. Последнее в своем семантическом поле имеет такие значения, как «сомнительный», «подозрительный», «двусмысленный», «темный», «косой». Подобно тому, как нам порой трудно бывает понять, в какую же сторону действительно смотрит косящий человек, так и дискурсивные стратегии многих теоретиков могут увести нас в сторону, ввести в заблуждение относительно реально наличествующих идейных оснований. Прочтение Адорно оказывается «чисто политическим» и потому слишком прямолинейным, игнорирующим относительно автономную философскую мысль, а, следовательно, и внутреннюю логику текста. Это дает оружие в руки тех, кто ратует за истолкование текста исходя из него самого как наиболее корректный и адекватный прием в отношении философского произведения.

Оппозиция между «чисто философским» и «чисто политическим» прочтением, считает Бурдьё, должна быть отвергнута. Следует подвергнуть двойному, неразделимо философскому и политическому прочтению те тексты, которые в самом своем основании определяются через их эквивокированность. Не только фундаментальная онтология Хайдеггера, его *Sein und Zeit*, предполагает

некую политическую онтологию, но и откровенно политические тексты, такие как ректорская речь Хайдеггера от 27 мая 1933 года, пропитаны идиолектом хайдеггеровской метафизики.

В данном случае мы имеем предельно конкретное понимание политической онтологии: то, что мы можем вычлени́ть из текстов Хайдеггера – это политическая онтология Хайдеггера, детерминированная его рецепцией *vöklisch*-идеологии. Хайдеггер вписывает в онтологическую структуру *Dasein* экзистенциальные характеристики, что позволяет ему онтологизировать трансцендентальное посредством онтологизации истории, отождествляющей бытие и время. Однако этот радикальный поворот приводит в случае Хайдеггера к довольно консервативному выводу, к «своего рода неотомистской мудрости, напоминающей каждому о том, ‘кто он есть’, и предлагающей ‘жить сообразно своему месту’» [2, с. 122]. Когда Хайдеггер говорит о потере себя в «мирскости», «болтовне», «любопытстве», «двусмысленности», то наполняет свою «метафизику упадка» *vöklisch*-смыслом «оторванности от корней». Эта оторванность преподносится как своего рода первородный грех, основа всех частных заблуждений, забвение Бытия.

Многие социальные и политические исследователи прибегают к понятию дискурса, однако его роль в функционировании общества оценивается ими по-разному. Довольно часто дискурсы рассматриваются как отражение социальных механизмов, которые сами по себе имеют недискурсивную природу. Таковы многие марксистские и неомарксистские теории. В этом случае не имеет смысла прибегать к методу дискурс-анализа, ибо предполагается, что фундаментальным явлением является совершенно иной уровень, например, экономический. Однако некоторые исследователи полагают, что дискурсы существуют не только на уровне текстов и/или системы взглядов. Фактически вся социальная реальность, частью которой является и политика, может быть рассмотрена через призму данной категории, трактуя социальную инфраструктуру и институты как части дискурса. В этом случае исследователи рассматривают дискурс одновременно и на символическом, и на материальном уровне, считая его механизмы конститутивными для всего социального мира.

В настоящее время существует множество подходов к анализу дискурсов, каждый из которых является меж- или даже трансдисциплинарным. Йоргенсен и Филлипс полагают, что наиболее плодотворными среди них будут три подхода: теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, критический дискурс-анализ и дискурсивная психология [4, с. 18]. Все три подхода опираются на принципы социального конструктивизма, который следует понимать как общий научный принцип, а не отдельную теорию. С точки зрения социального конструктивизма, личности и человеческие общества нельзя рассматривать как априорные величины, поскольку они сконструированы двояким образом: дискурсивно и интерактивно. Таким образом, подходы, предполагающие анализ дискурсов, задают принципиально антиэссенциалистскую и антифундаменталистскую перспективу исследования. Опираясь на работы Вивьен Барр и Кеннета Гергена можно сформулировать следующие общефилософские посылки анализа дискурсов. Во-первых, критический подход к «само собой разумеющемуся» знанию. Наши знания о мире не следует принимать за отражение его сущностных структур или кодов внечеловеческой реальности. Реальность доступна нам только посредством некоторых категорий. Следовательно, наши знания – это результат наших способов категоризации реальности, или, другими словами, продукт дискурса. Во-вторых, учет исторической и культурной обусловленности наших взглядов и знаний. Наше мировоззрение, как и наши идентичности, могут меняться со временем. В-третьих, мы должны понимать, что между нашими знаниями и мире и социальными процессами существует связь, а это значит, что, с одной стороны, дискурсы имеют социальные последствия, а с другой – наши способы понимания действительности создаются и поддерживаются социальными процессами. И, в-четвертых, мы должны отдавать себе отчет, что связь существует также между знанием и поведением. В рамках определенного мировоззрения некоторые способы поведения становятся

естественными, а другие – неприемлемыми. Различия в социальных взглядах приводят к различиям в социальных действиях.

Критики социального конструктивизма часто указывают на то, что идея об условности и сконструированности социальных идентичностей противоречит фактам, свидетельствующим о том, что в социальном мире присутствует порядок и принуждение. Однако интерпретация конструктивизма как теории абсолютной произвольности, текучести и хаоса является неадекватной. Подавляющее большинство сторонников этого подхода учитывают наличие в социальном мире правил и порядка. Если наши знания и идентичности условны и изменчивы, это не значит, что они совершенно произвольны. Знания и идентичности ситуационны и в рамках определенных ситуаций относительно стабильны. Ситуации накладывают ограничения на идентичности, которые человек может принимать, а также на утверждения, которые признаются как имеющие смысл. Постструктуралистская теория Лакло и Муффа является хорошим примером того, как можно придерживаться конструктивистского подхода, не упуская из виду ситуативную фиксированность субъекта, без которой было бы невозможно говорить о политическом действии. Их основная работа «Гегемония и социалистическая стратегия» была издана еще в 1985 году, но, к сожалению, до сих пор не переведена на русский язык.

Лакло и Муфф построили свою теорию путем комбинирования и модификации двух интеллектуальных традиций – марксизма и постструктурализма. Они обращаются к анализу не столько материальных условий социального и политического бытия, сколько к дискурсивным практикам, и пытаются восстановить условия, при которых стало возможно дискурсивное функционирование таких марксистских понятий, как «класс», «триада уровней» (экономический, политический и идеологический) или «противоречие между производственными силами и производственными отношениями», а также задают себе вопросы «...относительно их закономерности или отсутствия таковой в современном капитализме» [1, р. vii-x]. Изменение социальных, политических, экономических и культурных реалий привело к тому, что образовалась постоянно растущая дистанция между миром современного капитализма и тем, что марксизм мог легитимно подвести под свои категории. Пересмотр марксистской теории в свете современных проблем потребовал деконструкции ее центральных категорий. Отсюда – попытка интеграции марксистской традиции, и постструктурализма (Деррида, Фуко, Лакан) на общей платформе антиэссенциализма.

Согласно Лакло и Муффа, центральной категорией политического анализа является не государство, не гражданское общество и даже не рациональность, а гегемония. Это понятие авторы заимствуют у итальянского неомарксиста Антонио Грамши, который стоял несколько особняком по отношению к марксистской традиции и, возможно, потому смог стать отправной точкой нового арсенала концепций, таких как «война позиций», «исторический блок», «коллективная воля», «гегемония», «интеллектуальное и моральное лидерство», которые, в свою очередь, превращаются в объект рефлексии постмарксизма.

Муфф и Лакло полагают, что любое существенное изменение в онтическом содержании исследовательского поля неизбежно ведёт к созданию новой онтологической парадигмы. Альтюссер говорил, что за философией Платона были греческие математики; за рационализмом семнадцатого века – физика Галилея; и что за философией Канта стояла теория Ньютона. Здесь имеется в виду процесс постоянной обратной связи между инкорпорацией новых областей объектов и общими онтологическими категориями определяющими, что, в определённое время, мыслимо в качестве объективно существующего. Переход от марксизма к постмарксизму также предполагает смену онтологического горизонта. Проблемы глобализованного и управляемого информацией общества немыслимы в рамках двух онтологических парадигм, определяющих область марксистской дискурсивности: первая – гегельянская, и вторая – натуралистическая. Поскольку ключевой в анализе является категория гегемонии, то основным вопросом политической онтологии постмарксизма будет следующий: какими должны быть

отношения между сущностями, чтобы стали возможными отношения гегемонии?

Отвечая на этот вопрос, авторы заявляют, что, во-первых, социальное должно пониматься как дискурсивное пространство, где первостепенно важным становится возможность репрезентативных отношений, немислимым в рамках физикалистской или натуралистической парадигмы. Вместо этого мы должны принять ту онтологию, которая складывается под влиянием трех интеллектуальных течений XX века: аналитической философии, феноменологии и (пост)структурализма. Таким образом, мы становимся на позицию антиэссенциализма и вынуждены признать, что внутренняя природа элементов социально-политического дискурсивного пространства не предопределяет их взаимоотношений. Тем не менее, необходимым условием существования гегемонии является тот факт, что данные элементы обладают способностью группироваться под влиянием внешней, артикуляционной практики.

Лакло и Муфф определяют основные понятия своей теории следующим образом:

«Мы назовем артикуляцией любую практику установления отношений между элементами, при которой в результате артикуляционной практики изменяется идентичность элементов. Все структурное единство, возникающее в результате артикуляционной практики, мы назовем дискурсом. Различные позиции, в которых знак артикулируется, мы назовем моментами. А элементом мы назовем любое отличие, которое артикулируется в дискурсе» [1, p. 105].

По мнению Муфф и Лакло, гегемонические ре-артикуляции гораздо более распространены в современном мире развитого капитализма, нежели во времена самого Грамши. Из всего вышесказанного становится очевидно, что авторы отказываются от идеи однозначной заданности субъекта структурным уровнем и не приемлют эссенциализма ни в отношении социальных агентов, ни в отношении структур, так или иначе их определяющих. Существуют точки фиксации, которые выступают регуляторами общественных процессов, но эта фиксация не абсолютна, а относительна. Переход к относительной фиксации социального возможен через институт узловых точек, т. е. через придание определенным моментам дискурса приоритетного значения по сравнению с другими, в результате чего они оказываются способны доминировать. Гегемониальная система дискурса непосредственно связана с антагонистической борьбой за придание определенным значениям главенствующей роли. Современное общество предстает как множество политико-общественных объединений, возникающих для защиты прав той или иной социальной группы. Каждое из них обладает небольшой долей власти и способностью конструировать определенную коллективную субъектную позицию. Все они претендуют на признание значимости своих дискурсов и в силу этого находятся в отношениях гегемонии между собой. Они не связаны необходимым образом, но проартикулированы и потому задают нежесткий дискурсивный каркас общественного поля.

Свободная, случайная артикуляция неиерархически переплетенных дискурсов является базисом для недогматической политики гегемонии. Связность дискурса достигается не за счет деятельности трансцендентального субъекта, не за счет идентичности референта-объекта или пред-дискурсивного тематического поля, а в результате определенных закономерностей при артикуляции дифференциальных позиций – общественных течений, либо концепций. Именно борьба этих течений, а не их простое наличие, и обеспечивает достижение истинной цели демократии – отказ от любого универсального подчиняющего дискурса.

Итак, борьба дискурсов оказывается центральной идеей проекта «радикальной демократии». Ни один дискурс не может быть замкнутым и завершенным. Напротив, они постоянно трансформируются, контактируя друг с другом. Из этого вытекает принципиальная незавершенность социальных явлений и невозможность приписать им раз и навсегда фиксированные значения. Все это открывает путь к непрерывной социальной борьбе за то, как определять общество и идентичности. Дискурс формируется благодаря частичной фиксации значений вокруг узловых точек. Под «узловой точкой» понимают привилегированный знак,

вокруг которого начинают группироваться и приобретать значения другие знаки. Например, в политическом дискурсе такими привилегированными знаками могут быть «демократия», «государство», «нация». Фиксация значения и создание когерентного, упорядоченного дискурса происходит за счет исключения всех других потенциальных значений знака, поэтому любой дискурс – это ограничение возможностей. Все возможности, исключенные конкретным дискурсом, Лакло и Муфф определяют как область дискурсивности. Область дискурсивности есть резервуар добавочных значений, возникающих в артикуляционных практиках.

Дискурс всегда сконструирован по отношению к тому, что он исключает, то есть по отношению к области дискурсивности. Другими словами, любое единство значения конструируется по отношению ко всем добавочным значениям, исключенным конкретным дискурсом. Йоргенсен и Филлипс предлагают дополнить теорию дискурса Лакло и Муфф критическим дискурс-анализом Фрэнклом и дифференцировать «область дискурсивности» и «дискурс-строй». Если первое понятие указывает на неструктурированную массу всех возможных значений, то второе – на ограниченный перечень дискурсов, которые борются за гегемонию на одной и той же территории (примерами таких территорий может быть политика или медицина).

Дискурс-анализ Лакло и Муфф потенциально применим для анализа любых социальных феноменов, однако сами авторы полагают, что именно политика обладает приоритетом над другими областями социальной жизни. Именно политические артикуляции определяют, как мы действуем и думаем, и, следовательно, какое общество и как мы создаем. Лакло и Муфф далеки от того, чтобы трактовать дискурсы как чисто лингвистические явления. Дискурсы материальны и инкорпорированы. Политика в рамках дискурс-анализа тоже не может пониматься в своем узком значении – исключительно как борьба партий за политическую власть. Здесь политика – это способ, при помощи которого мы постоянно конституируем социальное, это определенная организация общества, опирающаяся на исключение альтернативного порядка. Таким образом, политика – это не «поверхность» социального, а напротив – глубинные механизмы его создания.

Библиографические ссылки:

1. Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, Ch. Mouffe. – 2nd edition. – London : Verso, 2000
2. Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / П. Бурдьё. – М. : Праскис, 2003. – 272с.
3. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М., Прогресс. 1989. – 308 с.
4. Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М. Йоргенсен. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008. – 350 с.
5. Фливиберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества / Б. Фливиберг // Социологические исследования. 2001, – №2. – С.127–36.
6. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.

Поспелова О. В. Дискурс-аналіз і його місце в сучасних дослідженнях політики

Дана стаття присвячена місцю і ролі категорії дискурсу, а також методу дискурс-аналізу в сучасних соціальних і політичних дослідженнях. Особлива увага приділяється методологічним підставам та інтелектуальним витокам сучасних теорій дискурсу. Розглядаються різні варіанти аналізу дискурсу, в тому числі приклад експлікації політичного дискурсу в онтології Мартіна Хайдеггера, зроблений соціологом П'єром Бурдьє. Однак найбільшу увагу приділяється постструктуралістському аналізу, в тому вигляді, в якому він представлений у засновників Есеєської школи дискурс-аналізу Ернесто Лакло і Шанталь Муфф, які вважають, що саме дискурс конститує весь соціальний світ, у тому числі і політику.

Ключові слова: дискурс, дискурс-аналіз, радикальна демократія, постмарксізм, мікрополітику.

Pospelova O. The discourse-analysis and its role in contemporary social and political studies

This article is devoted to the place and role of the category of discourse, as well as the method of discourse analysis in contemporary social and political research. The author focuses on the methodological reasons and intellectual origins of present-day theories of discourse. The article discusses the various options for the analysis of discourse, including an example of an explication of the political discourse in the

ontology of Martin Heidegger undertaken by sociologist Pierre Bourdieu. However, most attention is paid to post-structuralist analysis, in the form in which it is represented by the founders of the Essex School of discourse analysis Ernesto Laclau and Chantal Mouffe.

The term «discourse» came into circulation in social and political studies of not so long ago, but has already become quite popular. Discourse is a way of organization and constructing knowledge about some object or phenomenon, that is, a set of ideas, images and practices that defines even forms of knowledge, methods of discussion and behavior. In contrast to the semiotic analysis, discursive approach is interested not only in the question how representation can be implemented, but also what are the consequences of these implementations. It supposes the analysis of how the organization of knowledge and power relations in society are linked to each other, how this organization regulates the behavior, designs identity, and how it defines modes of representation and ways of investigation of phenomena and related practices. But the most important thing is that this approach allows us to dissect the underlying mechanisms and causes of violence and discriminatory practices.

In present days there are many approaches to the analysis of discourses, each of which is an inter- or transdisciplinary. Jorgensen and Phillips believe that the most productive among such approaches will be three of them: the theory of discourse Ernesto Laclau and Chantal Mouffe, the critical discourse analysis and the discursive psychology. All three approaches are based on the principles of social constructivism, which should be understood as a general scientific principle but not the theory. From the perspective of social constructivism an identity and a society can not be regarded as a priori values, because they are constructed in two ways: discursively and interactively. Thus, approaches that analyze discourses can be defined as a fundamentally anti-essentialist and antifundamentalist perspective in political studies.

Keywords: discourse, discourse-analysis, radical democracy, post-marxist theory, micro-politics.

Надійшла до редколегії: 15.12.2013 р.

УДК 261.6

С. В. Работкіна

*Севастопольський інститут банківської справи Університету банківської справи
Національного банку України*

СВІТОГЛЯДНІ ТА ОБРЯДОВІ ОСОБЛИВОСТІ СУЧАСНОГО УКРАЇНСЬКОГО НЕОЯЗИЧНИЦТВА

Досліджуються світоглядні ідеї та культові особливості неязичницького руху в сучасній Україні. Доводиться, що повернення до «віри предків» відбувається в контексті відродження національної духовної культури. Розкривається відношення неязичницьких громад до феномену двовір'я

Ключові слова: язичництво, українське неоязичництво, християнство, двовір'я, світогляд, обряди.

Постановка проблеми. На початку ХХІ ст. зросла зацікавленість українців релігією як важливою складовою людського буття. Але цей інтерес не обов'язково пов'язується лише із християнством. Виникнення багатьох неоязичницьких громад свідчить про бажання повернутися до «віри предків», яка усвідомлюється як джерело самотньої національної духовної культури. Відтак постає потреба наукового осмислення цього феномену в контексті аналізу сучасних трансформацій релігійних поглядів українців.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Теоретико-методологічною основою статті є дослідження сучасних вітчизняних вчених, зокрема Б.Лобовика (давні вірування українців), А.Колодного (аналіз релігійного феномену), Л.Филипович (проблеми етнології релігії та новітніх релігійних течій), В.Єленського (сучасні релігійні процеси). Дисертація О. Гуцуляк «Неоязичництво як світоглядне явище (історико-філософський аналіз)» присвячена дослідженню проблеми генези, розвитку та сутності українського неоязичництва, а також виявленню його самотності та місця у цивілізаційному контексті сучасності. У дисертації Д. Базики «Первісні релігійні вірування та форми їх сучасного вияву» головна увага приділяється ґрунтовному вивченню українського рідновірства, яке виступає як релігійний рух, зорієнтований на відродження, реконструкцію або створення етнонаціонального світогляду, світосприйняття та релігійних вірувань та його відмінностей від поняття «українське неоязичництво», яке характеризується ідеєю відродження автентичних релігійних вірувань на теренах України.